

ВЫБОРЫ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: СЛУЧАЙ БЕЛАРУСИ

Ольга Шпарага

Думаю, вопрос о том, состоялись ли выборы президента в Беларуси, для способных мыслить критически является риторическим. Однако это не отменяет другого вопроса — вопроса о системе координат, которая позволяет нам оценивать «выборы» или какие-либо другие политические события и процессы, имеющие место в нашей стране.

Одной из таких «систем координат» могла бы быть, на мой взгляд, *культура прав человека*. Неслучайно понятие *прав человека* оказалось одним из центральных в ходе обсуждения мартовских политических событий. В этой связи мне представляется принципиально важным обсудить состояние *культуры прав человека* в Беларуси, а также обратиться к генезису этой культуры на Западе. Исходя из этого, в первой части текста я остановлюсь на *первом поколении прав человека*, напрямую связанных с либеральным дискурсом. Во второй части я обращусь к анализу трансформации культуры прав человека (в XIX и XX вв.) под влиянием *второго поколения прав человека* — как они рассматривались социалистами, какую роль играли в социальной и политической системе СССР, наконец, какое место занимают в сегодняшней Беларуси.

Читателю может показаться, что собственно понятие *выборов* в этом тексте уходит на второй план. Что, на мой взгляд, и отражает ситуацию в Беларуси — ситуацию неразвитой и подавляемой государством *культуры прав человека*. С другой стороны, не стоит упускать из виду, что именно *ситуация с выборами* позволила нам увидеть или даже пережить эффекты подавления культуры прав человека, а следовательно, по-настоящему оценить значимость этой культуры и, как я надеюсь, более активно и креативно включиться в ее утверждение.

1. Первое поколение прав человека и вопрос о свободе

Право избирать и быть избранным является, согласно Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., важнейшим политическим правом людей участвовать в управлении своей страной. Беларусь как член ООН обязана соблюдать права человека, как и признавать, что вопросы, связанные с ними, не относятся к числу исключительно внутренних дел государства. Политические права, наряду с гражданскими правами, принадлежат к *первому поколению прав человека* и берут свое начало в либеральных теориях *естественных прав* XVII–XVIII вв. Эти права обозначаются также *негативными*, поскольку с момента

формулировки Дж. Локком (1632–1704) выражают *свободу от* вмешательства государства в экономические отношения и вопросы веры и совести. В современных интерпретациях теории *естественных прав* отмечается, что эта теория отвергла все признаваемые ранее теории легитимности – божественные права королей, прагматическую необходимость стабильного политического устройства, подчинение божественному праву, исторически укорененные институциональные традиции. С точки зрения теории естественных прав «политический режим находил оправдание только в том случае, если он удовлетворял естественные права своих граждан»¹.

Дж. Локк совершенно недвусмысленно формулирует гражданские и политические права: «Для правильного понимания политической власти и определения источников ее возникновения мы должны рассмотреть, в каком естественном состоянии находятся все люди, а это состояние – *состояние полной свободы* в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли»². Рассмотрим формулировку Локка более подробно.

Прежде всего, обращают на себя внимание понятия «естественного состояния», «состояния полной свободы» и «закона природы». Чуть дальше в тексте Локк поясняет связь естественного состояния и закона природы. «*Естественное состояние* имеет закон природы, которым оно управляется и который обязателен для каждого», этим законом выступает *разум*. Разум, далее, дарован всем без исключения людям Богом, на основании чего люди и провозглашаются *равными* – равными без какого-либо подчинения или подавления. Однако это еще не все. Разум, согласно Локку, дает каждому человеку неограниченную *свободу распоряжаться своей личностью и собственностью*, обратной стороной чего является требование самосохранения, или запрет на уничтожение себя, как и требование настолько это возможно сохранять «остальную часть человечества», т. е. жизнь, здоровье, свободу и собственность других людей. Иначе говоря, право на распоряжение самим собой есть также право на неприкосновенность всякого другого человека, если таковой не является преступником, которого я, как исполнитель закона природы, вправе наказать.

Таким образом, в понимании Локка, фундаментальные права людей на их собственную жизнь и свободу действий являются одновременно и обязательствами, не позволяющими людям лишать самих себя и других, пока те не преступают закона природы, жизни и свободы. Данная формулировка не меняется и в том случае, если мы рассматриваем *общество*, которое Локк обозначает *гражданским* – обществом договаривающихся друг с другом граждан, отличным от *государства*, прежде всего связанного с законодательной деятельностью, придающей с нашего согласия договору общезначимый символический порядок. Согласно Локку, свобода человека в обществе – это неподчинение никакой другой власти, кроме *законодательной*, «которая

установлена по согласию в государстве»³; это жизнь в соответствии с постоянным и общим для всех членов общества *законом*.

Переход от естественного состояния к жизни в обществе обусловлен, согласно Локку, целым рядом причин. Важнейшей является недостаточность самого по себе природного закона для установления норм справедливой жизни и справедливого разрешения разногласий, поскольку, хотя «закон природы ясен и понятен всем разумным существам, люди руководствуются своими интересами»; с другой стороны, наличие этого закона не означает еще знания его и действия в соответствии с ним. Таким образом, если в естественном состоянии мы реализуем свою свободу, следуя закону природы, то внутри общества свобода означает следование общественным законам, которые устанавливаются с нашего согласия и защищают нас от «непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека». Именно общественный закон способен защитить нас от абсолютной, деспотической власти.

Первое, что важно отметить и на что обращают внимание интерпретаторы теории естественных прав Локка, это утверждение права человека на *автономию*. Человек – его мысли, действия, желания, собственность – принадлежит самому себе, и никто не в праве лишить его самого себя. Более того, так как человек живет в кругу других людей, то он приходит к идее заключения соглашения, которое позволило бы *установить нормы или законы* справедливой совместной жизни с другими. Такие нормы не являются чем-то противоречащим естественной разумности человека, скорее, наоборот, они выводят эту разумность на свет и позволяют людям жить в соответствии с ней. Только придание нормативного статуса естественному состоянию позволяет закрепить и сделать очевидным для всех природное равенство людей и, следовательно, их равенство в праве иметь права (Арендт) и справедливым образом разрешать споры.

Второе, что принципиально важно для генезиса прав человека, это вопрос об их обеспечении. С одной стороны, гарантией обеспечения прав любого человека является равенство перед законом и независимым судом, с другой – само это равенство конкретизируется Локком как свобода от «произвола другого человека», т. е. от деспотической власти. Любой правитель, отмечает Локк, является в плане своих прав и обязанностей таким же человеком, как и я, поэтому я, с одной стороны, свободен от него в своей автономии, с другой – вместе с ним ограничен законом в своих посягательствах на свободу других или свободы гражданского общества в целом. Члены общества имеют право устранить или заменить правителя (законодательный орган), пренебрегающего законом или действующего вопреки оказанному ему доверию. В этом смысле, именно *гражданскому обществу* принадлежит верховенство власти, направленной на сохранение общества и каждого его члена, в то время как *государство* является «доверенной властью».

Итак, в рамках модели «конституционного государства» Локка⁴ было предложено первое развернутое представление о *гражданских*

правах, выступающих отправной точкой в достижении справедливой общественной жизни. Именно Локк положил начало формированию представления о *гражданине* как активном члене общества, отношение которого с государством определяется не через отношение части и целого, а через *свободу* – доверие и договор граждан, определяющих и ограничивающих функции государства.⁵ В версии Локка *свобода* понимается как свобода распоряжаться своей личностью и собственностью и одновременно как свобода от своеволия другого человека (естественное состояние) или государственной власти (общественное состояние). Для обеспечения свободы необходимо, в таком случае, участие в жизни гражданского общества: выбор законодательной, исполнительной и судебной властей, а также контроль над соблюдением этими властями оказанного доверия. Таким образом, гражданские права с необходимостью сосуществуют с *политическими правами*, выражающими права и обязательства участия людей в управлении государством. Связь гражданских прав с политическими принципиальна: именно право равного участия в управлении государством может обеспечить защиту гражданских прав и достижение общего блага, выступая преградой на пути деспотии – своеволия привилегированных представителей власти.

Понятие свободы оказывается в данной трактовке синонимом *личной ответственности* как за свою собственную судьбу, так и судьбу общества, в котором ты живешь, поскольку, как сказала бы Арендт, человек существует во множественном числе и способен регулировать свои отношения с другими людьми. Отношение между «своей собственной судьбой» и обществом остается при этом открытым и дискутируемым, поскольку «общество» предполагает «других людей», способных ограничить мою свободу. В связи с этим Р. Арон видит в либеральном определении свободы *неопределенность*, которая приводит к выдвиганию на передний план именно *политического* измерения: «Свобода-независимость, которую Монтескье называет безопасностью или отсутствием произвола, реально существует только как чисто политическая свобода и проявляется в участии гражданина в управлении местными делами и руководстве общественной деятельностью»⁶. Из этого следует, повторимся еще раз, что гражданские свободы мыслимы исключительно в связке с политическими; содержательно же это означает, что право на собственную жизнь само обретается и реализуется только как право участия в организации общественной жизни и управлении государством. Понятным становится и дальнейшее расширение: при создании американской *Декларации независимости США* (1776) и французской *Декларации прав человека и гражданина* (1789) – одновременно расширение перечня основных *гражданских* – включение в их число свободы слова и вероисповедания, безопасности и свободы от угнетения – и *политических* – заявление о предоставлении равного доступа «ко всем постам, публичным должностям и занятиям» (что отнюдь не, конечно же, к гражданам мужского пола) – *прав*⁷. Реализация права на свободу в отношении самого себя нуждается в артикуляции, невозможной без

свободы слова, которая требует дальнейшей институализации общества — равного доступа к публичным должностям и занятиям, главным механизмом обеспечения которого и становятся *выборы*.

2. Конфликт первого и второго поколений прав человека: история вопроса, ситуация в СССР, ситуация в современной Беларуси

Один из вопросов, возникающих применительно к идее и практике гражданских и политических прав человека, — это вопрос о зависимости или даже производности этих прав от *либерального дискурса*, фрагменты которого были представлены выше в версии Локка. С одной стороны, теоретиками прав человека сегодня признается, что, «несмотря на то что права человека охватывают всех, что это всеобщие права, больше нет необходимости считать их естественными правами. Достаточным основанием для их всеобщей применимости является уже тот факт, что они были определены в результате международных переговоров»⁸. Из этого также следует, что права человека не имеют сегодня привязки к отдельным государствам, а являются прерогативой международного сообщества. С другой стороны, все же достаточно трудно не принимать во внимание связь и преемственность традиционной и современной теорий прав человека. Очевидно, что более чем 300-летняя дискуссия и борьба за гражданские и политические права человека в Европе играют не последнюю роль для актуального обсуждения и отстаивания этих прав.

В Беларуси в этой связи мы сталкиваемся с ситуацией, которая во многом остается зависимой от советского прошлого. Эту зависимость можно охарактеризовать двояко: с одной стороны, можно констатировать неразвитость гражданского и правового сознания, или элементарное незнание граждан Беларуси со своими правами, с другой — сопровождающий это незнание отказ (или, скорее, принуждение к отказу со стороны власти) от гражданских и политических прав в пользу прав *социальных*. Для прояснения данной ситуации необходим небольшой экскурс в понятие *социальных прав*, представляющих *второе поколение прав человека* и привносящих дополнительные сложности в трактовку прав человека как таковых.

Социальные права выходят на арену истории в период промышленной революции XIX в. и артикулируются Марксом и другими теоретиками социализма. К важнейшим социальным правам относятся права на пищу, жилище, труд, охрану здоровья и досуг. Возникновение этих прав напрямую связано с описываемым Марксом зарождением нового класса пролетариата, который заявлял о своих правах буржуазии, как когда-то, 200 лет назад, это делала сама зарождающаяся буржуазия, отвоєвывав права у аристократии.

И все же притязание на права рабочих отстаивалось от притязания на права буржуазии. Если главной идеей, отстаиваемой буржуазией, была идея участия на основе автономии, т. е. в силу способности разумного принятия решений прежде всего за свою собственную судьбу,

в управлении обществом, то главной идеей пролетариата стала идея упразднения самой автономии, поскольку таковая в конечном итоге порождает экономическое или социальное неравенство. Либеральные свободы провозглашались пустой иллюзией для тех, кто лишен самого необходимого. Препорученность человека самому себе и частная собственность – высшие ценности либералов – объявлялись главным препятствием на пути обеспечения равных социальных прав, из чего следовало, что не сами конкретные индивиды, а только государство способно разрешать общественные конфликты, главный из которых – конфликт труда и капитала.⁹

Данное противоречие между гражданскими и политическими правами, с одной стороны, и социальными – с другой, имеет длительную и неоднозначную традицию интерпретации, презентация и анализ которой требует написания отдельной статьи. Для нас важно обратить внимание на то, что именно на обеспечение социальных прав делалась ставка в СССР – при полном игнорировании гражданских и политических прав. Как отмечает в своей статье Е. Богданова, «в советской Конституции были записаны основные права граждан, но при этом подразумевался принцип абсолютного доминирования государства и его интересов над личностью. Формальные нормы не действовали так, как это было предписано законом; основанием к действию часто становились инструкции, спущенные сверху. Граждане не были информированы о своих правах, вследствие чего большинство из них, за исключением универсальных “права на отдых” и “права на труд”, были неизвестны ни государственным чиновникам, ни населению»¹⁰.

Механизм, который препятствовал притязанию на гражданские и политические права людей, согласно Богдановой, был механизм «заботы» советского государства о своих гражданах. Работал этот механизм как через средства массовой информации, так и через самые разные формы «проявления заботы» в трудовых коллективах. Такая «забота» предполагала «проявление “заботы” обо всех и обо всем кроме самого себя и своих личных проблем. Другими словами, советский гражданин был обязан проявлять “заботу” по отношению к другим, но не мог сделать это по отношению к себе». Плоды такой политики хорошо знакомы нам и сегодня: они приводят к полной неготовности и неспособности человека решать свои собственные проблемы. Поскольку «в рамках возникшей за десятилетия существования советского общества концепции правовых отношений гражданину были предписаны слабость, некомпетентность и беспомощность, ему, тем самым, уготована участь быть объектом чьей-либо “заботы”. При этом самостоятельные действия, целью которых могло быть решение индивидуальных правовых проблем, не приветствовались: осуществление защиты прав и интересов реализовывалось посредством обращения к более компетентному и сильному агенту с просьбой “позаботиться”».

И все же проводить параллель между ситуацией XIX века в Европе и ситуацией, возникшей в результате Октябрьской революции, необходимо с определенными оговорками. Согласно Марксу, рево-

люция пролетариата как революция четвертого сословия должна была стать продолжением и завершением революции буржуа, или революции третьего сословия.¹¹ В результате должно возникнуть новое общество-государство, преодолевающее, с одной стороны, буржуазное гражданское общество, с другой – обслуживающий его государственный аппарат, и выступающее в итоге ареной разрешения всех социальных конфликтов. В Европе ожидания Маркса не оправдались в том смысле, что борьба за социальные права, прежде всего в форме рабочих движений и профсоюзов, не отменила гражданское общество, а обогатила его новыми механизмами контроля над деятельностью государства.¹² Иными словами, социальные права – пусть и не самым непосредственным образом – дополнили гражданские и политические права, открыв новые возможности артикуляции социальных конфликтов.

Иная ситуация наблюдалась в СССР: социальные права подменили собой гражданские и политические права, в результате чего государство вобрало в себя общество. Однако и в этом случае не возник тот результат, которого ожидал Маркс: новое советское государство породило новую систему социального неравенства, в которой «права» даровались тем, кто был лоялен по отношению к обществу-государству. Власть, словами К. Лефора, *жаловала*, даровала выгоды от своего «закона».¹³ Социальное разделение «определялось тут не собственностью, а прямым доступом к властным механизмам и привилегированными материальными и культурными жизненными условиями (пища, жилище, здравоохранение, свобода путешествовать, образование)».¹⁴ Всякий, кто был лишен «права доступа», либо жил в иллюзорном мире пропаганды, которая задавала стандарты и нормы его жизни, либо становился изгоем – в самом ли СССР или за его пределами.

Отношение между гражданскими и политическими правами, с одной стороны, и социальными и экономическими – с другой, ряд авторов рассматривает как отношение *права иметь права и обеспечения прав* (Дарендорф), или как отношение *формальных и позитивных прав* (Арон). Такая постановка вопроса требует, однако, изменения взгляда на классификацию субъектов права – отказа от марксистской классификации. В версии Дарендорфа, буржуазия, с критикой которой выступил пролетариат, была, прежде всего, не классом собственников (*bourgeois*), а *жителями городов* (*citoyen*), отличных от сельских феодальных структур и восходящих к античным городам-государствам.¹⁵ Новые жители городов, в особенности в период становления наций-государств, вынуждены бороться за свои права участия в политической жизни города независимо от происхождения и социального положения, которое они «оставили» в деревнях. В результате на смену «мира статуса» пришел «мир договора», который, действительно, в определенный момент привел к росту благосостояния жителей городов и социальному неравенству, сделавшему проблематичным и недостаточным политическое и гражданское равенство. Иначе говоря, в версии Дарендорфа социальный конфликт как основной механизм со-

циальной и политической динамики приобрел новое качество — борьбу за верховенство закона, перед которым равны все.

Таким образом понятая борьба за гражданские права позволяет иначе взглянуть на следующий период истории — период промышленной революции XIX в. Формулировка гражданских и политических прав была формулировкой самой возможности *выбора*, распространенной на всех граждан государства. XIX век отчетливо показал, что, несмотря на декларацию формального равенства выбора, *выбираемые предметы*, или *возможности обеспечения прав*, могут различаться настолько, что в определенных случаях ставится под вопрос сам выбор. С данной ситуацией мы столкнулись в первые годы «перестройки», когда изобилие товаров оказалось фактически недоступным для определенных групп населения. На воспоминаниях об этом времени держится во многом и нынешний белорусский режим, который заменил *право выбора обеспечением*, диапазон и возможности которого задаются самой властью. Тем самым, однако, как и в советское время, проблема выбора не устраняется, а становится абсолютной прерогативой государства, что возвращает нас в ситуацию, с которой некогда столкнулся Локк, — к ситуации никак не ограниченной опасности тирании.

Означает ли это, что выбор между *правом иметь права* и *обеспечением прав* неизбежен? Согласно Дарендорфу, нет. Вернее, демократическое общество предполагает различие этих сфер и нахождение — прежде всего силами общественности, оказывающей давление на государство, — баланса между ними; в то время как диктатура, стирая различие между этими сферами, ставит общество перед постоянно грозящей опасностью кризиса обеспечения, лишая нас возможности взять на себя ответственность за выбор — как своей собственной судьбы, так и судьбы своей страны.

Из написанного выше следует, что выбор между политическими и гражданскими правами, с одной стороны, и социальными и экономическими правами — с другой, является псевдопроблемой. Так как именно обладание гражданскими и политическими правами делает возможной саму *борьбу за права*, в том числе социальные. Словами Лефора, именно «формальные свободы сделали возможными требования, которые могли сделать лучше условия жизни людей»¹⁶, поскольку именно первые свободы — право на публичную критику власти, на забастовку, права ассоциаций — позволили артикулировать и заявить о себе многообразному обществу, никогда не совпадающему с его виденьем государственной властью. Проблематичным или даже невозможным в таком случае является переход от социальных и экономических прав к политическим и гражданским правам, поскольку «партия социальных прав», в лице ли государства или международных корпораций, будет делать все возможное, чтобы осуществимое «обеспечение» не превратилось в открытую для публичного обсуждения систему прав гражданского общества.

Для Беларуси это означает, что никакое ухудшение социального и экономического положения само по себе, т. е. без параллельного формирования культуры гражданских и политических прав, не обеспечивает демократических преобразований. Не означает это и обратного, что формирование гражданского общества должно исключить борьбу за социальные и экономические права. Эффективность современного гражданского общества в большой степени зависит от *артикулируемости его предельного многообразия*, отражающего права самых разных индивидов и групп населения. Поскольку любая, не затронутая процессами по присвоению и отстаиванию своих прав группа, например пенсионеры и инвалиды, автоматически окажется в лагере «сильной и единоличной власти», которая, как известно, не столько отстаивает права группы, сколько средствами пропаганды и экономического манипулирования задает ее место в социальной системе, оценка, критика и изменение которого исключены. В отличие от классиков либерализма, нам необходимо понять, что в посттоталитарном и тем более тоталитарном обществах далеко не всякий человек способен присвоить свои права, а затем бороться за них, что, однако, не означает, что только государство должно решать его проблемы. Между свободными личностями и тотальной заботой государства лежит многообразие переходных форм, обсуждение и утверждение которых и является сегодня центральной темой демократизации Беларуси.

Для осмысления *политических выборов* это означает, что важнейшей работой их непосредственных участников — партий и независимых кандидатов, как и самых разных представителей гражданского общества, — является работа по артикуляции всего многообразия интересов, представлений и требований белорусских избирателей с целью учета и выражения их в своих программах и своей деятельности. При этом нужно быть готовым к тому, что ряд граждан, особенно зависимых от «заботы государства», так и не сможет присвоить и начать отстаивать свои права. В таком случае гражданскому обществу придется взять на себя их *обеспечение*. Иначе говоря, демократизация Беларуси зависит не только от утверждения и расширения сферы гражданских и политических прав, но и от выработки механизмов обеспечения тех, для кого эта сфера — в силу вполне объяснимых обстоятельств — останется закрытой.

Примечания

- ¹ Сидорски Д. *Современная реинтерпретация понятия прав человека* // Право быть человеком: Материалы из книги *Международные права человека в контексте права, политики, морали*. Оксфорд 1996. Мн., 2000. С. 10.
- ² Локк Дж. *Два трактата о правлении*. Соч. в 3-х тт. Т. 3. М., 1988. С. 263.
- ³ Там же. С. 274.
- ⁴ Ср.: Кин Дж. *Демократия и гражданское общество*. М., 2001. С. 87–91.
- ⁵ Ср.: Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт: Очерк политики свободы*. М., 2002. С. 48.
- ⁶ Арон Р. *Эссе о свободах*. М., 2005. С. 17.

- ⁷ Цит. по: *Введение в права человека. Норвежский хельсинский комитет по правам человека*. Осло, 2003. С. 44.
- ⁸ Там же. С. 16.
- ⁹ Ср., например: *Введение в права человека...* С. 46.
- ¹⁰ Богданова Е. *Советская традиция правовой защиты, или В ожидании заботы* // *НЗ*, № 39 (1/2005): <http://www.nz-online.ru/index.phtml?aid=25011328>
- ¹¹ Ср.: Арон Р. Цит. соч. С. 32.
- ¹² Стоит иметь в виду, что предложенная мной версия отношения первого и второго поколений прав является более сложной. Ср., к примеру, размышления К. Лефора на этот счет в статье *Права человека и провиденциальное государство*. (Лефор К. *Политические очерки: XIX–XX вв.* М., 2000. С. 31–63.)
- ¹³ Лефор К. *Политические очерки: XIX–XX вв.* М., 2000. С. 54.
- ¹⁴ Жижек С. *13 опытов о Ленине*. М., 2003. С. 174.
- ¹⁵ Ср.: Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт...* С. 45 и далее.
- ¹⁶ Лефор К. Цит. соч. С. 57.